

видит и беспощадно фиксирует, смех его становится безжалостным; рассказывая о казнокрадах, взяточниках, ханжах и лицемерах, он действительно «злоязычен». Здесь он временами поднимается до подлинно сатирических характеристик.

С особым вниманием и интересом относится Таллеман де Рео к вольнодумцам. Его явно привлекало религиозное вольномыслие. Правда, к вольнодумию аристократического толка, служившему прикрытием равноуданных прав, он относится с откровенным недоброжелательством и явно осуждает «либертевов» типа герцога Орлеанского и его приближенных. В своих «Занимательных историях» он нарисовал целую галерею портретов вольнодумцев различного толка и разного общественного положения, охотно воспроизводит их шутки и остроты, высмеивающие не только церковников, но и сами христианские догмы.

Этот интерес к теме вольнодумства, это широкое использование «богохульных» анекдотов несомненно связывает «Занимательные истории» Таллемана де Рео с раблезианской традицией французской литературы. Именно с этой традицией связан и язык Таллемана, его полунасмешливая интонация, его тяготение к просторечию и грубым выражениям, называющим вещи своими именами.

В XVII в. имя Рабле во Франции отнюдь не утратило своей популярности. Его роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» много раз переиздавался. На Рабле ссылались, его цитировали. Имя его упоминается в комедиях Мольера «Скупой» и «Школа жен». Творчество Рабле, отпугивавшее своей грубостью изысканных блескителей вкуса в аристократических салонах, оказывало глубокое влияние в первую очередь на те жанры французской литературы, которые не подвластны были никаким канонам и правилам, в частности на так называемый буржуазный бытовой роман.

Таллеман нигде не пишет о своем отношении к Рабле как к писателю, и, разумеется, нельзя делать выводов о каком-либо прямом влиянии на основании двух или трех упоминаний его имени в «Занимательных историях». Во всяком случае, Таллеман с явным удовольствием пересказывает анекдот, в котором автор «Гаргантюа и Пантагрюэля» оказывается хитрее кардинала дю Белле, и охотно воспроизводит его весьма вольную шутку насчет делования папской туфли (236).

В книге американского ученого Уортли приводится очень интересный анализ стилистических особенностей «Занимательных историй», позволяющий проследить связь Таллемана де Рео со стилистикой Рабле в французской литературе XVI в. На примере отдельных образов, метафор, сравнений, встречающихся у Таллемана, Уортли убедительно показывает, что последний временами выступает как своеобразное «стилистическое эхо» Рабле. Но даже независимо от этих установленных Уортли случаев прямого совпадения стилистических средств влияние стилистики Рабле на «Занимательные истории» совершенно очевидно. Возможно, что это влияние было воспринято Таллеманом в какой-то